

Их мода...

Париж, город, породивший к жизни многие стили современного искусства, был культовым и для сюрреалистов. Именно он объединил и собрал их: брожение в творческой среде, которая формировалась в парижских кафе, создала сюрреализм как течение.

Андре Бретон, Рене Ильсом, Луи Арагон, Поль Элюар в париках, с наклеенными усами и бородой.

Каждый из них стремился найти работу, которая бы занимала минимальное количество времени, чтобы все оставшееся посвятить творчеству, а главное – общению с единомышленниками. Этот первоочередной стимул их жизни

лем. Режиссер Луис Бунюэль вспоминал, как на улицах им часто приходилось сталкиваться с оскорблениями от прохожих по поводу внешнего вида, но это только радовало. Со временем оригинальность была доведена до абсурда. Художник Ив Танги, имея и без того высокий лоб, выбривал себе переднюю часть головы. Это сейчас панки, “леди гаги” и прочие фрики приучили нас ничему не удивляться. Можно себе представить, как реагировали на причёски сюрреалистов жители благополучной Европы в те времена.

Дали мог появиться на светском мероприятии в водолазном костюме. Поль Элюар носил парик и накладную бороду или костюм мима. Поэту Гийому Аполлиннеру вообще было все равно, как он выглядит, либо он старательно играл в эту

Ив Танги.

Сюрреалисты: игры в безумие

Творения сюрреалистов, несмотря на их кажущуюся абсурдность, разобраны по деталям многочисленными исследователями. Но сюрреализм всё равно видится нам самым загадочным культурным явлением. Это тот случай, когда не бытие определяет сознание, а наоборот. Идеи и философия сюрреалистов не только выплескивались на холсты и страницы – они отражались в каждом повседневном поступке.

Андре Бретон.

был необходим как кислород. Они посвящали время прогулкам по городу, днями сидели в небольших парижских кафе, ведя разговоры об искусстве и шокируя обитателей внешним видом.

Внешностью они мечтали бросить вызов обществу, хотя и не признавались в идеологической подоплеке своего имиджа, говоря, что одеваются так потому, что им это нравится. Богемный стиль одежды был весьма распространен в Европе в 1920-30-е годы – годы зарождения и лучших времен жанра, и очень популярен среди сюрреалистов и их подруг, которые в большинстве своем были представительницами арт-бомонда – писательницами, танцовщицами, актрисами.

Основоположник и автор манифестов сюрреализма Андре Бретон, так много говоривший об обуржуазивании своих коллег, внешне выглядел весьма аристократично – длинные, зачесанные назад волосы, шелковый галстук, элегантный костюм. Большинство его собратьев походило на своего идейного вдохновителя.

Дали в одно время довел дендиизм сюрреалистов до совершенства – он носил широкополую шляпу, заворачивал в длинный до земли плащ, завязывал галстук бантом, отпуская волосы, не расставался с тростью, имевшей набалдашник в виде собачьей головы, и беспрестанно курил трубку. Но как-то раз он увидел женщину с выбритыми бровями, увешанную драгоценностями. Она представилась Дали воплощением элегантности. Он тут же решил сменить имидж – коротко подстригся, стал смазывать волосы бриолином, купил дорогой костюм и сапфировые запонки. Правда, совсем скоро на смену этому образу пришла другая крайность – бритая голова с казацким чубом и растянутая вязаная кофта.

Сюрреалисты подчеркивали свою индивидуальность, непохожесть на других и нежелание следовать моде и стилям. Именно это, возможно, против их воли, и стало их собственной модой и сти-

Андре Бретон.

небрежность. “Аполлиннер курил короткую трубку и разглагольствовал о Петронии и Нероне, обращаясь к каким-то людям весьма вульгарного вида... На нем был светлый костюм, весь в пятнах. На самой макушке грушевидной головы сидела маленькая соломенная шляпка. Светло-карие глаза грозно сверкали, на лоб свешивался клок белобрысых волос...”, – описывал впечатление от поэта Макс Жакоб, друг Пикассо.

Их привычки...

Кафе французской столицы становились и местом встреч, и мастерскими. Писатели Поль Элюар и Луи Арагон просиживали здесь часами, за деньги сочиняя четверостишия о посетителях, а художники рисовали портреты. Периодически какое-то из мест провозглашалось культовым и становилось местом для постоянных сходов. Менялись и пристрастия в напитках, но культ того или иного распространялся на всех. Сначала это был “бенидиктин” с минералкой, затем коктейль “пикон-лимон”, позже все стали пить мандариновый ликер.

Творчество за письменным столом, в студии, литературной гостиной считалось делом ремесленников, за это исключали из рядов братства. Куда чаще сюрреалистов можно было застать в забегаловках, во мраке дешевых

кинотеатров, на улицах. “Рано или поздно в Париже вы столкнетесь со мной; не пройдет и пары дней, и вы обязательно встретите меня, курсирующего взад-вперед по бульвару Бони-Нуэль...”, – писал Бретон. Именно в причудливом гуле голосов и музыки, табачном дыму, жужжании проекционного аппарата, шуме машин и стуке каблучков рождалось то, что впоследствии разлетится по всему миру и всегда будет ассоциироваться с сюрреализмом.

Их игры...

Сама идея игры была во многом определяющей для движения. На Западе даже вышел сборник сюрреалистических игр. В нем кроме прочих описывалась, например, игра “Плодовитые сны”. Все собирались вокруг стола, но не для спиритического сеанса, а для того, чтобы спросить, кто способен добровольно застнуть и войти во взаимодействие со своими самыми глубокими словесными каламбурами – один удавалось впасть в сон по команде. Спящему задавали любые вопросы. Сеанс протоколировался, ведь в этих беседах подчас рождались необыкновенные словесные каламбуры – один из излюбленных продуктов сюрреалистического творчества. Продолжением этой игры была другая – “Сновидческое написание стихов”. Самым известным мастером бессознательного поэтического творчества был Робер Деснос:

Проскользнуть в твою тень под покровом ночи.

Шаг за шагом скользить за тобой вплоть до тени твоей в окне.

Эта тень в окне, это ты, не другая, а именно ты.

Не открывая же окно позади занавесок, по которым скользит силуэт.

Лучше закрой глаза.

Я сам хотел бы закрыть их своими губами.

Но окно открывается, и поднимается ветер –

ветер, так странно колеблющий занавески и пламя

и окружающий плотной завесой мое незапное бегство.

Окно открывается. Это вовсе не ты.

Так я и думал.

Развлечения и творчество были неотделимы друг от друга. Ярче всего это проявлялось в мистификациях – так сюрреалисты называли свои художественные дурачества. Первая выставка художника Макса Эрнста в Париже анонсировалась так:

“Нас ждет чертовское приглашение, с которого в галерее начнется целая гамма невероятных содроганий”. В программе было обещано: “В 22 часа – кенгуру, в 22:30 – высокая частота, в 23:00 – раздача сюрпризов, начиная с 23:30 – интимные отношения”. Группа сюрреалистов встречала гостей у входа, имитируя крики различных животных. Бретон непрерывно чиркал спичками, Арагон мяукал в лицо каждому вошедшему, другие играли в прятки и сидели в шкафах. После разноса напитков было объявлено,

но, что одна порция отравлена – в стакан добавили слабительное.

Когда Пикассо устраивал у себя банкет в честь своего приятеля, винолика торжества посадили на гигантский трон. Над ним подвесили огромные канделябры – воск свечей весь вечер стекал на его голову, и когда на ней образовалась внушительная корона, художник был объявлен королем.

На балу у Дали гости были наряжены монстрами и мертвецами, в углу висела туша быка, проткнутая костылями, которые потом станут излюбленным символом на картинах Дали. Галя в костюме “изысканного трупа” кормила младенца.

Еще одна странная акция Дали так и не была воплощена в жизнь. Художник вынашивал мечту о пятнадцатиметровом хлебе. Но не нашлось подходящей печи. Дали с друзьями предполагали, что завернут гигантский сверток в газету и бросят в реку, а сами, переодевшись водопроводчиками, будут наблюдать за реакцией властей и горожан, обнаруживших находку. Станут ли они подозревать, что в батоне взрывчатка? Или воспримут это как рекламный ход пекарни, но какой и зачем? Возможно, истории придадут политическую окраску, но никто – были убеждены выдумщики – не заподозрит сюрреалистов, ведь даже для них это было бы чересчур.

Становясь более зрелыми, многие из сюрреалистов поняли, что изоляция, отшельничество, игры в сумасшествие могут иметь губительные последствия для художников. Чтобы продавать полотна, получить признание, нужно не противопоставлять себя обществу, а жить по его законам. Раньше других это осознал Пикассо, отошедший от сюрреализма. Дали и Бунюэль не изменили себе в творчестве, но сменили образ жизни на более цивилизованный. Им, в отличие от других участников движения, закончивших жизнь в психиатрических клиниках и забвении, удалось стать весьма состоятельными людьми и классиками при жизни.

Ольга НИКОЛАЕВА.

